

ГУДРУН МЕБС

БАБУШКА!

—КРИЧИТ
ФРИДЕР

42 ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ
ПРОКЛАЗНИКОВ

Лучшая новая книжка

Гудрун Мебс

**Бабушка! – кричит Фридер. 42
истории из жизни проказников**

«Самокат»

1984, 1985, 1992, 2010

Мебс Г.

Бабушка! – кричит Фридер. 42 истории из жизни проказников / Г. Мебс — «Самокат», 1984, 1985, 1992, 2010 — (Лучшая новая книжка)

ISBN 978-5-00167-434-4

Пятилетний Фридер – неугомонный любопытный мальчишка, непоседа и проказник. Стоит бабушке заняться делом: начать готовить есть или отправиться поливать цветы, – он тут как тут. А если его нет рядом, то он, скорее всего, уже рвёт цветы с бабушкиной клумбы, мечтая её порадовать, потому что Фридер очень любит свою бабушку! И она – самая лучшая бабушка на свете – тоже обожает своего негодника! Гудрун Мебс – автор более 20 книг, награждена Немецкой детской литературной премией, медалью Януша Корчака, Швейцарской детской книжной премией, Австрийской государственной премией. Самые известные её книги переведены на 24 языка.

ISBN 978-5-00167-434-4

© Мебс Г., 1984, 1985, 1992, 2010

© Самокат, 1984, 1985, 1992, 2010

Содержание

Пикник	6
День рождения Фридера	9
Волк и овцы	13
Меняемся ролями	17
Футбол	20
Буквы	24
Придумываем слова	28
Говорим по-иностранному	32
Привидения	36
Урожай	40
Микки-Маус	44
Как умываются кошки	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Гудрун Мебс

Бабушка! – кричит Фридер

Иллюстрации Ротраут Сузанны Бернер

© S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main, 2017

Originally published as „Oma! schreit der Frieder“

First published in German by Sauerlander Verlag, Aarau, 1984

Originally published as „Und wieder schreit der Frieder: Oma!“

First published in German by Sauerlander Verlag, Aarau, 1985

Originally published as „Oma und Frieder, jetzt schreien sie wieder“

First published in German by Sauerlander Verlag, Aarau, 1992

© Комарова В., перевод «Бабушка! – кричит Фридер», 2010

© Комарова В., перевод «Бабушка! – снова кричит Фридер», 2012

© Комарова В., перевод «Бабушка и Фридер – друзья навек!», 2010

© Издание на русском языке. ООО «Издательский дом «Самокат», 2022

Пикник

– *Бабушка!* – кричит Фридер и дёргает бабушку за юбку. – Бабушка, когда же мы наконец пойдём на наш пикник? Ты же обещала!

– Да отстань от меня ради бога, внук! – ворчит бабушка и показывает на окно. – Глазато протри. Дождь как из ведра. Ничего из *пикника* не получится.

– Пикник, бабушка, – говорит Фридер и печально смотрит из окна на улицу. – Это называется пикник!

– Мне всё равно, – отвечает бабушка. – Из него тоже ничего не получится. Дождь ведь идёт! Может, в другой раз сходим.

Она берёт корзину для пикника, наполненную доверху, и несёт её на кухню.

– Поедим на столе в кухне, и будет так же вкусно, – говорит она и гладит Фридера по голове. – Послушай, внук, я же не виновата, что идёт дождь!

Это верно. Бабушка и правда не виновата. Это Фридер признаёт.

Но всё равно ему грустно. Даже очень. Он так радовался, что будет пикник! Они с бабушкой купили сосиски, и булочки, и яблоки, и бананы, и бутылку лимонада, и круглый-круглый сыр. Упаковали всё это в корзину и ещё взяли кухонное полотенце – вместо скатерти. А устроить пикник они хотели на детской площадке, там уютно. Сначала поиграть, потом поесть – вот как было задумано.

А теперь идёт дождь. Да какой сильный! Вот досада!

Фридер сердито топает ногой. Дурацкий дождь!

Пикник на кухонном столе – это никакой не пикник. Это самый обыкновенный обед, да ещё и скучный! Он не будет так обедать. Он – не будет. Потому что так они с бабушкой не договаривались.

Фридер в ярости снова топает ногой. Вот всё надо испортить, ну просто всё! Но он не позволит. Ни – за – что.

И Фридер решает, что сам устроит себе пикник. Один. На коврике в своей комнате. Прямо сейчас. Без бабушки. Она ведь предлагает есть на кухне... Вот и пусть там ест. А он не будет!

Фридер крадётся на кухню – очень осторожно, чтобы бабушка не услышала. Она что-то полощет в ванной. «Это можно делать и в дождь, – думает Фридер. – Глупая бабушка». Он бросается к корзине для пикника и берёт из неё бананы. Всю гроздь. А потом убегает с ней в детскую и плотно закрывает за собой дверь. Вот так!

Теперь можно начинать пикник. Фридер усаживается на пол – потому что на пикниках всегда так делают и потому что ему вообще больше всего нравится сидеть на полу. Он принимается за бананы. Первый очень вкусный. Фридер уминает его в три секунды, почти не жуя. Вторым тоже. Третий он ест немножко помедленнее. А от четвёртого отщипывает только совсем маленький кусочек.

Честно признаться, не так уж это и здорово – пикник в одиночку. Недовольный Фридер очищает пятый банан. Он кажется ему совсем невкусным.

И вообще... да-да, и вообще ему плохо. Даже очень.

Фридер стонет, роняет банановую кожуру, хватается за живот и выбегает из комнаты.

– Бабушка, – жалобно кричит он, – бабушка, мне очень плохо!

Но бабушки нигде не видно. Фридер скулит, и стонет, и кричит, держась за живот, и ищет по всей квартире. Бабушки нет. Нигде. Бабушка ушла!

Тут Фридер принимается жалобно подвывать. Это слишком. Ему плохо, а бабушка ушла. Но вдруг он умолкает. Ему что-то послышалось. Что-то очень похожее на «Внук!»... и на «Иди сюда!»... кажется, это голос бабушки. Бабушка зовёт его издалика. Только вот откуда?

Удивлённый Фридер бросается к окну... Бабушка сидит напротив дома, на другой стороне улицы. Под навесом на остановке трамвая! В руке у неё зонтик, а рядом на скамейке она расстелила кухонное полотенце – вместо скатерти. На нём лежат яблоки. И булочки. И сосиски. Бабушка машет Фридеру, прикладывает руки ко рту и кричит:

– Внук, ты не знаешь, где бананы?

Фридер набирает побольше воздуха и вопит изо всех сил:

– У меня в животе, ба! Мне так плохо!

– Тогда иди на воздух! – кричит бабушка в ответ. – Только не попади под машину, ты меня понял? А не то я тебя отшлёпаю как следует!

Фридер улыбается и кивает. Ему уже совсем не так плохо. Он мчится по лестнице вниз на улицу и...

– Стой! – кричит бабушка, хотя вокруг не видно ни одной машины. – А теперь иди, только быстро! – зовёт она и взволнованно машет ему рукой. Фридер несётся к бабушке на другую сторону улицы – быстро-быстро, что есть духу.

А когда добежал – говорит задыхаясь:

– Бабушка, ох, бабушка, мне было так плохо!

– Я хоть и старая, но не слепая, – говорит бабушка и усаживает Фридера около себя. И на всякий случай открывает над ним зонтик, хотя под навесом делать это совершенно не обязательно. – К чему рисковать, – говорит бабушка, – а то кто знает, вдруг сосиски намокнут.

Она берет одну сосиску и откусывает от неё.

– А ты, – говорит она с набитым ртом, – ты сегодня больше не получишь бананов, так и знай.

Фридер, просияв, кивает и, прижавшись к бабушке, тоже хватается сосиску.

А потом они наслаждаются пикником – не торопясь, по полной программе.

Под зонтиком. Под навесом на трамвайной остановке.

День рождения Фридера

– *Бабушка!* – кричит Фридер и дёргает бабушку за юбку. – Бабушка, скажи, когда же у меня будет день рождения?

– Да отстань ты от меня ради бога, внук! – ворчит бабушка. – И не кричи так, я не глухая!

– Ба! – кричит Фридер ещё громче. – Ну скажи наконец! Когда у меня день рождения?

– Прямо сейчас, нетерпеливый ты мой, – говорит бабушка, – через три минуты!

С этими словами она исчезает в комнате Фридера и плотно закрывает за собой дверь.

От волнения Фридер пританцовывает под дверью. Вот прямо сейчас у него будет день рождения! Через три минуты! Так сказала бабушка. А раз она сказала – значит, так оно и есть!

В детской что-то шуршит и грохочет. Фридеру это слышно через закрытую дверь. Всё ясно, бабушка распаковывает подарки! Может быть, среди них есть игрушечный экскаватор. Тот большой, красный, который он так хотел. Конечно, там есть экскаватор, совершенно точно... А вдруг нет?

Фридер нервничает. Он больше не выдержит, ему нужно посмотреть... и он припадает к замочной скважине и смотрит сквозь неё.

В комнате стоит бабушка и кладёт на стол... толстые гольфы... красный свитер... три пакета чипсов... и... Фридер сглатывает от напряжения... экскаватор! Большой красный экскаватор, который он так хотел. Ура!

Вот бабушка зажигает свечи, пять штук, и вдруг... громко говорит:

– Не подглядывать! Ты ведь не подглядываешь через замочную скважину?

Фридер в испуге отшатывается назад. Откуда бабушка знает, что он... но тут снова слышится её голос:

– Внук, иди в туалет и жди меня там. Пока я тебя не позову, договорились?

Весь красный, Фридер тихонько крадётся в туалет, садится на унитаз и ждёт, и радуется, и думает о большом красном экскаваторе...

– Внук, заходи! С днём рождения! – зовёт бабушка.

Фридер мчится в свою комнату... и останавливается на пороге как вкопанный. Он сразу замечает: экскаватора нет! На столе лежат гольфы, и красный свитер, и три пакета чипсов, и пять свечей – всё здесь. Но экскаватора – нет.

Но он же видел его – только что, совершенно отчётливо, через замочную скважину!

Или он ему просто приснился?

– Поздравляю, от всей души поздравляю, – говорит бабушка, чмокает Фридера в щёку и поёт тонким голосом «Многая лета».

Бабушка всегда так поёт в день рождения. Потом она показывает на свечи и на подарки и спрашивает:

– Ну что, ты рад подаркам?

Фридер сглатывает, кивает и медленно идёт к столу. Щупает свитер, поднимает гольфы, шелестит пакетами с чипсами и тайком поглядывает, не видно ли экскаватора. Но его действительно нигде нет.

– Что ж ты ничего не говоришь? – удивляется бабушка. – Это ведь красивые, хорошие вещи, правда?

– Да, бабушка, – Фридер кивает и ещё раз сглатывает. Что-то застряло у него в горле. Кажется, это слёзы.

– Тогда примерь-ка свитер, – говорит бабушка, – и гольфы. Вдруг не подойдут!

Свитер колется, но Фридер ничего не говорит, он давится слезами. Надевая гольфы, он быстро заглядывает под стол: может быть, экскаватор там?

Но его там нет.

– Всё впору! – говорит бабушка довольно. – А теперь идём на кухню, обедать! Будет шницель, потому что сегодня день рождения. Твой день рождения!

И с этими словами она уходит на кухню.

Разочарованный Фридер стоит в колючем свитере, тёплых толстых гольфах и не может понять: неужели экскаватор растворился в воздухе?

– Ну иди же, именинник, – зовёт бабушка из кухни, – а то шницели остынут.

Фридер глубоко вздыхает, сопит и сморкается, проглатывает слёзы и тащится на кухню.

Бабушка стоит у кухонного стола, а перед ней на столе... большой, роскошный красный экскаватор. Бабушка ловко подцепляет ковшом шницель со сковородки и везёт его к тарелке Фридера.

Фридер застывает с открытым ртом. Вот он! Наконец-то нашёлся!

– Вот так, – говорит бабушка и сгружает второй шницель себе на тарелку. – Мне захотелось посмотреть, как работает эта новая штуковина!

И тут Фридер как закричит! Изо всех сил!

– Ура, бабушка! – вопит он. – Ура, ура, вот он, мой экскаватор!

И бросается к бабушке. А потом – к экскаватору.

– Я хоть и старая, но не слепая! – говорит бабушка и несёт на стол картошку. – А ты, нехороший мальчик, подглядывал в замочную скважину!

Фридер усмехается и весь краснеет. Он становится почти таким же красным, как экскаватор. Фридер хватает его и перегружает картошку ковшом из миски на тарелки. И почти совсем ничего не падает!

В общем, день рождения в конце концов получился просто замечательный.

– Это мой самый замечательный день рождения! – уверяет Фридер.

– Ты так говоришь каждый год! – уверяет бабушка. – И подглядываешь в замочную скважину.

Но Фридер больше не краснеет. Он уже привык к этим словам.

Волк и овцы

– *Бабушка!* – кричит Фридер и дёргает бабушку за юбку. – Поиграй со мной, ба!

– Да отстань ты от меня ради бога, внук! – ворчит бабушка. – Некогда мне играть, нужно бельё развесить. Я старая женщина, а не скорый поезд, не дёргай меня!

С этими словами она берёт корзину с выстиранным бельём и прищепки и идёт к двери.

– Бабушка, – кричит Фридер ещё громче и крепко держит её за юбку, – но ты должна поиграть со мной! Потому что я хочу! Прямо сейчас!

– Да не вопи ты! – цыкает бабушка и грозит Фридеру прищепкой. – Чего не могу, того не могу, и точка.

Но у Фридера такое разочарованное лицо, что бабушке всё-таки становится его жалко. Она говорит:

– Ладно, внук, смотри: я сначала развешу бельё, а потом мы поиграем, договорились? В настольную игру. В «Волка и овец», хорошо?

И бабушка, кряхтя, уносит корзину с бельём во двор.

– Бэ-э-э-э! – кричит Фридер. Но бабушка, к счастью, этого не слышит. Она уже внизу, во дворе. А Фридер стоит в прихожей и сердится.

Вешать бельё! Да это будет продолжаться целую вечность! Он-то уж знает. Вот ведь безобразие! А ему так хочется поиграть! Прямо сейчас. Но бабушки нет.

Фридер размышляет. И вдруг ему приходит в голову мысль. Просто замечательная мысль. Раз бабушки нет, тогда... тогда он тоже будет играть, как будто его нет! Вот!

Когда бабушка вернётся, Фридера не будет дома. Пусть она тогда долго-долго стоит перед дверью и стучит. Он не откроет – ведь его нет. Так что бабушке придётся подождать. Так же, как он ждал. Пусть узнает, каково это.

Ключ от входной двери бабушка с собой не взяла, Фридер это заметил. Она никогда не берёт его, когда выходит во двор развешивать бельё.

Ведь Фридер обычно всегда дома и ждёт. Всегда. Но не сегодня!

Фридер усмехается, садится в прихожей на пол, прижимает палец к губам и ждёт.

Проходит довольно много времени. Но бабушка всё не идёт и не идёт. Фридер уже весь извертелся, но наконец он слышит, как кто-то, пыхтя, поднимается по лестнице. Это бабушка.

И вот она зовёт:

– Внук, открывай, я уже пришла!

«Прямо как в сказке «Волк и семеро козлят», – думает Фридер, – совсем так же. Козлята открыли дверь, и случилось плохое. А я не открою».

Он тихо хихикает и не двигается с места.

Бабушка стучит в дверь:

– Ты что там, оглох, что ли? Открывай!

«Ещё чего, – думает Фридер, – ни за что не открою».

И сидит тихо, как мышка.

Бабушка стучит сильнее:

– Ты что, с ума сошёл? Открывай немедленно! Я уже все ноги себе отстояла.

Фридер чуть не прыскает со смеху, но вовремя сдерживается и сидит тихо.

Он ведь решил, что его нет дома. Вот и пусть бабушка подождёт. И пусть отстоит себе все ноги.

Но бабушка ничего об этом не знает, она изо всех сил колотит в дверь и жалобно зовёт:

– Внук, внучек, открой! Или с тобой что-то случилось? Скажи, что ничего не случилось!

Фридеру немного жаль бабушку. Потому что она говорит таким несчастным голосом и так переживает из-за него.

Чтобы она не переживала, Фридер очень громко кричит:

– Нет, ба, ничего не случилось. Просто меня нет дома!

Некоторое время за дверью совсем тихо, потом бабушка вскрикивает:

– Тебя – что?

– Меня нет дома! – вопит Фридер в ответ. – Потому что я всегда должен тебя ждать, да!

– Только не ори так, я же не глухая, – отвечает бабушка, потом бормочет ещё что-то, а потом больше ничего не слышно.

Фридер внимательно слушает. Ничего. Абсолютно ничего.

Фридер ждёт некоторое время, прислушивается... опять ничего. Почему бабушка больше ничего не говорит? Может быть, она ушла и оставила его сидеть тут совсем одного?

Фридер ещё раз зовёт бабушку.

– Бабушка, бабушка, ты ещё здесь?

Молчание.

– Бабушка, – зовёт Фридер погромче, – ба, скажи что-нибудь!

Снова никакого ответа.

– Пожалуйста, бабушка, милая! – орёт Фридер совсем громко и при этом чуть не плачет. Ничего.

Фридеру всё становится ясно.

Бабушка ушла. Навсегда.

Он вскакивает, распахивает дверь и собирается громко-громко зареветь...

Перед ним на лестнице сидит бабушка, а по её фартуку разгуливают четыре бельевые прищепки.

- Ой, да ты что, бабушка! – Фридер глубоко вздыхает. – Как же ты меня напугала!
- Так надо же головой думать, что ты делаешь, – говорит бабушка, но смотрит не на Фридера, а на прищепки на своём фартуке.
- А что это у тебя, ба? – спрашивает Фридер.
- «Волк и овцы», – говорит бабушка, – я играю! Но у меня опять овцы волка съели.
- Да ты что, бабушка! – повторяет Фридер, улыбаясь, и широко открывает дверь. – Иди домой. И поиграем по-настоящему. Я ведь снова дома, знаешь!
- Ну слава богу, – говорит бабушка. Она встаёт кряхтя и берёт корзину для белья и прищепки. – Тут на лестнице сквозит. И я всё время проигрываю.

С этими словами она шагает мимо Фридера на кухню. Фридер улыбается и вприпрыжку бежит за ней. А потом они приносят доску и шашки, садятся на кухне и играют в «Волка и овец». Бабушка всё время выигрывает.

Потому что Фридер позволяет ей выигрывать.

Или потому что она так усердно тренировалась на лестнице?

Меняемся ролями

– *Бабушка!* – кричит Фридер и дёргает бабушку за юбку. – Я не хочу всё время быть Фридером, хочу побыть разочек бабушкой!

– Да отстань от меня ради бога! – ворчит бабушка. – Радуйся, что ты мальчик. Детям живётся лучше!

– Вовсе нет, – говорит Фридер и берёт бабушкину шляпу – серую – и бабушкину сумку – чёрную. – Лучше живётся бабушкам, это же ясно!

– Ты что, с ума сошёл? – вскрикивает бабушка и хочет отнять шляпу. Тут Фридер шлёпает бабушку по пальцам, нахлобучивает шляпу на голову и приказывает:

– Марш в детскую. Теперь я буду бабушка, и всё тут!

– Да как ты со мной разговариваешь? – удивляется бабушка и хочет схватить свою сумку. Но Фридер быстро отдёргивает её и низким голосом повторяет:

– Марш в детскую, я сказал! Там и играй. Но аккуратно, ты меня поняла? А я пойду на кухню!

И Фридер с достоинством удаляется, оставляя бабушку в полной растерянности.

Она смотрит ему вслед, потом качает головой и бормочет:

– Ну, озорник окаянный! Ну, погоди!

И исчезает в детской, плотно закрыв за собой дверь.

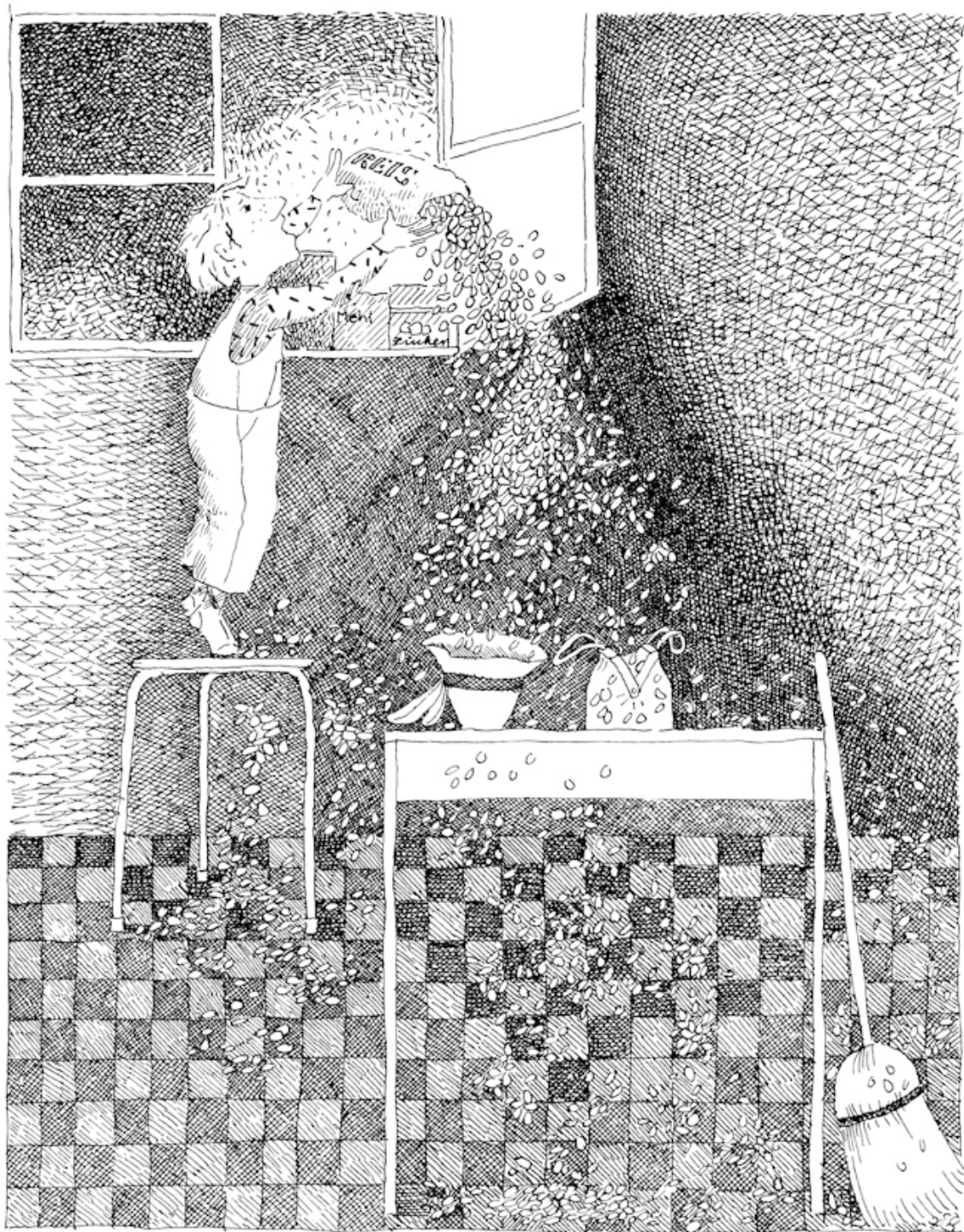
Фридер стоит на кухне: на голове – шляпа, в руке – сумка. Он смотрит вокруг. Потом кладёт на кухонный стол сначала шляпу, а рядом с ней – сумку.

Вот так.

Теперь он, значит, на кухне. И теперь он – как будто бабушка. Что делает бабушка на кухне? Она моет посуду. Но мыть посуду скучно, и вообще бабушка её давно уже помыла. Всё на своих местах. Кухня сверкает чистотой.

Что же ещё бабушка делает на кухне? А, ясно, она готовит еду.

Значит, надо что-нибудь приготовить. Лучше всего – рисовую кашу. Фридер её очень любит. Для рисовой каши нужны рис, и молоко, и корица, и сахар. Это Фридер давно уже знает. Рис стоит в кухонном шкафу. Фридер приносит табуретку, залезает на неё, открывает дверцу шкафа – и так сильно дёргает за пакет с рисом, что тот рвётся, и рис сыплется на пол. Но это пустяки. Можно ведь всё подмести.

Теперь нужен сахар. Банка с сахаром тоже стоит в шкафу. Фридер осторожно вынимает её, осторожно слезает с табуретки и хочет поставить банку на стол. Но тут банка опрокидывается – можно сказать, сама, – и сахар сыплется в бабушкину шляпу и сумку. Вот ведь незадача...

Ну ничего, теперь можно заняться корицей. Но Фридер не может её найти. Он вытаскивает из шкафа все миски, тарелки и кастрюли, но корица исчезла. Ладно, ничего страшного, это может подождать. Теперь нужно молоко.

Фридер достаёт из холодильника молоко и наливает его в кастрюлю. Только... почти половина молока разлилась. Но это пустяки, всё можно вытереть.

Теперь молоко нужно подогреть. Фридер ставит кастрюлю с молоком на плиту.

Теперь нужно зажечь под ней огонь. Фридер ищет спички, ищет, ищет – и не находит. Но спички ему совершенно необходимы. Без них не будет никакого огня. А без огня молоко не подогреешь, это ясно.

– Бабушка! – кричит Фридер и распахивает дверь. – Принеси мне спички, ба, и побыстрее!

– Разве я твоя служанка? – кричит бабушка в ответ. – Я в детской, играю в интересную игру, если хочешь знать!

Фридер прислушивается. Что там бабушка делает? Играет в интересную игру? Надо посмотреть.

Фридер мчится из кухни в детскую. Там сидит бабушка. Игрушки она разбросала по всей комнате. Гоночные машинки лежат на кровати, детали лего – все, абсолютно все – валяются под кроватью и на столе, принадлежности для рисования – на полу, плюшевые игрушки – на стуле.

А бабушка занимается тем, что выкидывает кубики из коробки.

– Вот! – говорит она довольно, встаёт и бодро шагает мимо Фридера на кухню.

Фридер изумлён. Комната выглядит как неизвестно что! Вот это беспорядок! Он никогда ещё такого не устраивал!

– Бабушка! – вопит он возмущённо. – Моя комната теперь как свинарник!

– Как ты мне, так и я тебе! – кричит бабушка в ответ. – Моя кухня теперь тоже как свинарник! И вообще, тебе ещё рано зажигать плиту, сколько раз нужно это повторять!

– И вообще, – кричит Фридер, – тебе нельзя разбрасывать мои игрушки, сколько раз нужно это повторять!

– Да ладно уж, – говорит бабушка, выглядывая из кухонной двери, – я замечательно поиграла. Когда бабушки становятся Фридерами, они именно так играют!

– А я, – говорит Фридер, усмехаясь, – я замечательно поготовил. Когда Фридеры становятся бабушками, они именно так готовят.

– Да, к сожалению! – говорит бабушка и тоже усмехается.

Потом она чмокает Фридера в щёку и говорит:

– Знаешь что? Теперь я снова буду бабушкой, а ты – снова моим внуком. Я уберусь на кухне, а ты уберись у себя в комнате, ладно? А потом я сварю нам что-нибудь вкусное. Рисовую кашу, хорошо?

Фридер кивает, Фридер вздыхает и начинает укладывать кубики в коробку, собирать лего, и плюшевые игрушки, и вот это... и вот то...

Вообще-то ему нравится снова быть Фридером. Стоит только подумать о просыпанном сахаре, о бабушкиной шляпе и сумке...

Бабушка вздыхает и стонет, и трёт, и метёт, и убирает. Наконец она закончила уборку. Фридер тоже.

А потом бабушка и Фридер вместе сварили рисовую кашу. С корицей и сахаром. Бабушка сразу нашла корицу. Потому что она знает, где что стоит.

А потом бабушка и Фридер вместе играли. В лего. И построили очень красивый, очень большой дом. Потому что Фридер знает, как это делается.

Футбол

– *Бабушка!* – кричит Фридер и дёргает бабушку за юбку. – Ба, я очень хочу играть в футбол. Поиграй со мной!

– Да отстань ты от меня ради бога, внук! – ворчит бабушка. – Я же старая женщина, а не скорый поезд. И вовсе никакой не футболист, если хочешь знать. А сейчас мне нужно гладить!

И с этими словами она исчезает в кухне.

Фридер ноет ей вслед:

– Никогда, никогда ты со мной не играешь, глупая бабушка!

Но ноет он совсем тихо, чтобы бабушка не услышала. А потом уходит в детскую. Если бабушка чего-то не хочет делать, она не будет этого делать, это Фридер давно уже усвоил.

В детской Фридер мрачно берётся за футбольный мяч. Он красивый, большой, тяжёлый и чёрно-белый, как настоящий.

Фридер мрачно ударяет мячом об пол... и легонечко бьёт по нему, а потом поднимает. И снова бросает об пол. Безобразие. Никто с ним ни во что не играет! А про футбол можно вообще забыть! Но ведь ему сейчас так хочется поиграть!

Фридер сердито ударяет по мячу, тот высоко подпрыгивает и приземляется на кровать. Фридер снова хватается его, кладёт перед правой ногой и бьёт.

Мяч летит по дуге и ударяется о дверцу шкафа. Бум! Шкаф весь трясётся.

Фридер хмыкает. Он и один может играть в футбол. Раз бабушка не хочет. И без бабушки обойдёмся, просто прекрасно обойдёмся.

Он снова хватается мяч и ударяет по нему ещё раз. Снова метит по дверце шкафа. На этот раз шкаф трясётся ещё сильнее.

– Совсем с ума сошёл! – кричит бабушка из кухни. – Прекрати сейчас же! Не даёшь мне спокойно гладить!

«Сама виновата», – думает Фридер, но ничего не говорит, а снова с ожесточением бьёт по мячу. На этот раз мяч летит к полке с игрушками. Попал! Коробка с лего падает на пол. Вот это грохот! Отлично!

– Что ты там делаешь? – снова кричит бабушка из кухни. – Дом обрушится!

– Я просто немножко играю, – кричит Фридер в ответ, а мяч снова лежит перед ним. – Всё в порядке!

– Я хоть и старая, но не глухая, – ворчит бабушка. – Играй потише, ты меня понял?

«Совсем не понял», – думает Фридер, замахивается и наносит сильный удар. Мяч попадает в коробку с кубиками. Коробка опрокидывается, кубики с грохотом высыпаются наружу.

– Гол! – орет Фридер. – Один – ноль в мою пользу!

Он берёт мяч, снова кладёт его перед собой, широко замахивается, прицеливаясь, и – мяч попадает в оконное стекло. Дзын-н-нь! – окно разбито, мяч вылетает наружу.

Фридер стоит озадаченный.

Ой-ой-ой... Он этого не хотел!

– Так, всё, хватит! – бабушка распахивает дверь в детскую и застывает на пороге.

– Не-е-ет! – стонет она.

– Да! – шепчет Фридер.

Они с ужасом разглядывают дыру в стекле, которая похожа на звезду.

И тут Фридер начинает реветь. Слезы ручьём льются у него по щекам:

– Бабушка, я не хотел этого, бабушка!

Он поворачивается к бабушке и прижимается головой к её фартуку.

– Бабушка, – всхлипывает он, – мне так окошко жалко...

– Мне тоже, – говорит бабушка и, качая головой, рассматривает стекло. – Ну, что случилось, то случилось, – говорит она, – тут уж ничего не поделаешь!

Фридер горестно всхлипывает.

– Бабушка, что же нам теперь делать? Стекло надо сделать как было!

Но тут бабушку как прорвало:

– И как же ты это себе представляешь? Само по себе стекло ведь не починится, тут стеклышко нужно! Господи боже, вот беда-то какая! И всё потому, что ты вздумал в комнате в футбол играть. Да кто ж так делает, хотела бы я знать!

Фридер ничего не отвечает, Фридер стоит, и ревет, и крепко держится за бабушку.

Она хватает его за плечи, подталкивает к двери и говорит:

– Ладно, пошли за мячом!

И тащит ревущего Фридера вниз по лестнице.

Мяч лежит в палисаднике. Лежит себе тихо и мирно, весь такой чёрно-белый. Осколки тоже тут. Их немного, но они всё-таки есть.

– Даже пальцем к ним не притрагивайся, – говорит бабушка и, наклонившись, осторожно собирает осколки в кучку. – Не хватало ещё, чтоб ты порезался!

Фридер стоит, и всхлипывает, и ничего не трогает.

Бабушка поднимает мяч, глядит на него, а потом, подняв голову, смотрит на разбитое окно и бормочет:

– Ведь именно это окно я хотела завтра помыть!

– Теперь его не надо мыть, бабушка, – шепчет Фридер, сопит и утирает слёзы.

– Ну что, озорник, – говорит бабушка, всё ещё держа мяч в руках.

Она задумчиво смотрит на него, а потом медленно добавляет:

– Раз уж мы тут, внизу...

Она кладёт мяч перед собой, сильно замахивается и ударяет. Мяч летит прямо Фридеру в голову.

– Ой! – говорит он и хватается за голову, а потом за мяч. – Да ты что, бабушка!

– Бей давай! – кричит бабушка. – Две недели не будешь есть мороженого. Надо ж тебя как-то наказать!

Фридер сопит и кивает, Фридер вытирает слёзы, потом улыбается и бьёт по мячу. Бабушка очень ловко хватает его и бьёт опять, Фридер бросается мячу навстречу и ловит.

– Это был почти что гол, – ликует бабушка, – а ну, отойди, сейчас у меня получится!

И она снова сильно замахивается и бьёт, но на сей раз мяч приземляется на клумбе с красными тюльпанами, мирно растущими в палисаднике.

– Да ты что, бабушка! – кричит Фридер и улыбается во весь рот, а потом быстро бежит к клумбе. Три тюльпана поникли. Но, к счастью, не сломались. – Ну ты даёшь! – говорит Фридер и приносит мяч.

– Даже здесь нельзя поиграть спокойно, – жалуется бабушка. – Нигде нет места!

Фридер кивает и смотрит вверх на разбитое окно.

Тут бабушка берёт его за руку и говорит:

– А давай пойдём в парк, хорошо? Там и поиграем!

Мяч, Фридер и бабушка отправляются в парк. Там они играют до тех пор, пока не начинают валиться с ног от усталости. То есть бабушка и Фридер. Мяч-то совсем не устал.

А что касается голов, то их – почти все – забила бабушка.

Буквы

– *Бабушка!* – кричит Фридер и дёргает бабушку за юбку. – Бабушка, я хочу научиться писать. Прямо сейчас!

– Да отстань от меня ради бога, внук! – ворчит бабушка. – Не мешай. Я пеку пирог.

– Здорово! Тогда я буду тебе помогать! – говорит Фридер и тянется к миске с тестом.

– Ещё чего не хватало, – говорит бабушка и хлопает Фридера по рукам. – Вкусненького ты хочешь, и больше ничего! Я ж тебя знаю! Давай-давай, марш из кухни, лакомка!

Фридер надувает губы:

– Бэ-э-э-э, тогда я хочу учиться писать. Покажи мне, ба!

Бабушка глубоко вздыхает.

– Ну ладно, – говорит она, – но только чтоб ты потом ушёл из моей кухни. Неси бумагу и карандаш.

Фридер несётся в детскую и ищет бумагу и карандаш. То есть он не ищет, а просто бегло оглядывается вокруг и сразу кричит:

– Я ничего не могу найти, ба! Ты принеси!

– Разве я твоя служанка? – отзывается бабушка. – Кто хочет писать, ты или я? Ищи как следует!

– Всё нужно самому делать, – ворчит Фридер, но ворчит очень тихо, чтобы бабушка не услышала.

Он ищет как следует и находит большой красивый лист бумаги. На нём ещё ничего нет, только грязное пятнышко. Но это ничего. И карандаш он тоже разыскал. Синий.

Взяв карандаш с бумагой, Фридер снова несётся на кухню и протягивает всё бабушке. Она вытирает измазанные мукой пальцы о фартук, глубоко вздыхает, берёт бумагу и карандаш и кладёт бумагу на кухонный стол, рядом с миской теста. Потом она пишет очень крупно: «БА». Синим карандашом. Это выглядит красиво.

Фридер с интересом смотрит.

– Что это? – спрашивает он и показывает на буквы.

– БА! – говорит бабушка. – Ты ведь меня так иногда называешь, верно? С длинным словом тебе ещё не справиться, а две буквы будут в самый раз. Ну вот, а теперь ты это сам напиши. Но только в своей комнате. И пиши аккуратно, ты меня понял?

– Ну конечно, – кричит Фридер, хватает лист и карандаш и исчезает в детской.

Там он садится на пол, кладёт лист перед собой и рассматривает буквы. Внимательно и долго. А потом начинает писать. С буквы «Б». Она похожа на крючок с половинкой бублика внизу. Это совсем просто. Так думает Фридер. Он решает начать с половинки бублика. Приставляет карандаш к бумаге и рисует полукруг. Вот. Но получилось совсем не так, как у бабушки. Бабушкин полукруг круглый. У Фридера он угловатый. Надо попробовать ещё раз. Кажется, получается уже лучше... Фридер сильно нажимает карандашом, и – чик! – на бумаге дыра.

«Ну ладно, – думает Фридер и сопит, – бублик – это трудно. Попробую крючок». Это должно быть легко. Он высовывает язык и принимается за дело. Палочка вверх, палочка вбок. Так. И что же? На бабушкино «Б» это не похоже. Это какие-то каракули. Бабушкино «Б» гладкое и прямое, а его – какое-то извилистое, да ещё и с дыркой. Безобразие!

Фридер недоволен. Писать очень тяжело. Этого он не ожидал. Может быть, с буквой «А» дела пойдут лучше. Даже наверняка. «А» выглядит совсем-совсем просто. Её сумеет нарисовать даже младенец.

И Фридер начинает: палочка наискосок вверх, палочка наискосок вниз. А теперь ещё маленькая чётточка между ними. Но чётточка не получается. Она вдруг оказывается совершенно в другом месте. Фридер даже не знает, как так получилось. И пробует ещё раз: маленькая чётточка между двумя другими.

И тут карандаш ломается.

– Да что ж это такое! – Фридер в ярости бросает карандаш в угол и смотрит на свои каракули. «А» у него почти получилась. Но только почти. Писать тяжело. Он не умеет писать. Вот невезуха!

И он громко рычит:

– Да ну вас всех, противные!

– Ты меня звал, внук? – кричит бабушка из кухни, и Фридер рыдает в ответ:

– Бабушка, я совсем не могу писать, я не умею писать. И карандаш сломался. И в бумаге дырка. И ещё... и ещё...

– Да не кричи ты так, я не глухая! – отвечает бабушка. – Лучше иди сюда, у меня для тебя кое-что есть!

Фридер вытирает слёзы ярости и мчится на кухню. Там около стола стоит бабушка, а перед ней лежат две большие-пребольшие буквы. «Б» и «А». Они сделаны из теста для пирога. Фридер это сразу понял.

– Ой, бабушка! – изумляется он и трогает буквы пальцем.

– Вот так-то! – говорит бабушка и всовывает ему в руку комок теста. – А теперь попробуй сам. Сначала слепи «Б». Только постарайся, чтобы получилось красиво!

Фридер улыбается, а потом делит кусок теста пополам и раскатывает две длинные колбаски. И лепит правильное «Б». Точно такое же, как на бумаге. Бабушкино «Б», конечно, не его! Всё получается совсем легко. Очень-очень легко – крючок и половинка бублика! Фридер хватается новый комок теста и принимается за «А». Это уж проще простого. Две длинных колбаски из теста, а между ними – маленькая колбаска. И пожалуйста – «А» готово!

Фридер сияет. И бабушка сияет.

Она тоже берёт себе комок теста, и мнёт его, и раскатывает, и лепит – так что в конце концов у них получается полный противень булочек-букв. Сплошные «Б» и «А»... которые можно есть. Это самое замечательное.

Бабушка и Фридер вместе задвигают противень с булочками-буквами в плиту.

Волнуясь, Фридер садится перед плитой на корточки и ждёт, когда же булочки испекутся. Ждать приходится довольно долго.

– Ничего, тише едешь – дальше будешь, – говорит бабушка и тоже ждёт.

Но не на полу, а на стуле.

Наконец булочки-буквы готовы. Фридер с интересом смотрит, как бабушка достаёт противень из плиты.

И смотри-ка, булочки-буквы стали ещё красивее. Они сильно увеличились в размерах и стали коричневыми и хрустящими. Фридер хватает хрустящую «Б» и обжигает пальцы. Но это ничего. Ведь хрустящая «Б» такая красивая.

– Да подожди немножко, нетерпеливый какой, – говорит бабушка. И осторожно выкладывает буквы на кухонный стол. Одну за другой – так, чтобы всё получилось правильно: сначала «Б», потом «А», потом снова «Б», и опять «А». И так пять раз. Пять раз получилось коротенькое слово «БА». Фридер читает. Ему всё понятно. Читать легко.

Фридер радуется. И бабушка тоже.

А потом они оба, бабушка и Фридер, торжественно стоят перед столом и ждут. Потому что свежесвеженные БА-булочки сразу есть нельзя. А то может заболеть живот.

Придумываем слова

– *Бабушка!* – кричит Фридер и дёргает бабушку за юбку. – Бабушка, я хочу сегодня плохо себя вести!

– Да отстань ты от меня ради бога! – ворчит бабушка. – Мне нужно пылесосить.

И она тянет по гостиной жужжащий пылесос.

– Ба, – не отстаёт Фридер, – но я правда хочу сегодня быть непослушным!

Он бросается к шнуру от пылесоса и выдёргивает его из розетки.

– Да что ж это такое, – ругается бабушка около замолчавшего пылесоса. – А ну, живо воткни вилку обратно в розетку, а то я не знаю, что сделаю! Ты меня понял?

– Бэ-э, бэ-э-э, бэ-э-э, – дразнится Фридер и крутит пылесосный шнур.

Он и не подумает воткнуть вилку в розетку, во всяком случае, сейчас он этого делать не собирается.

Бабушка пытается схватить шнур, но ничего не получается. Фридер слишком проворен.

– Старая бабуська, – смеётся он, – ну поймай меня!

– Ну, погоди, – пыхтит бабушка, отставляет пылесос и тянет за шнур. Фридер крепко держит другой конец в руках, прыгает и кричит:

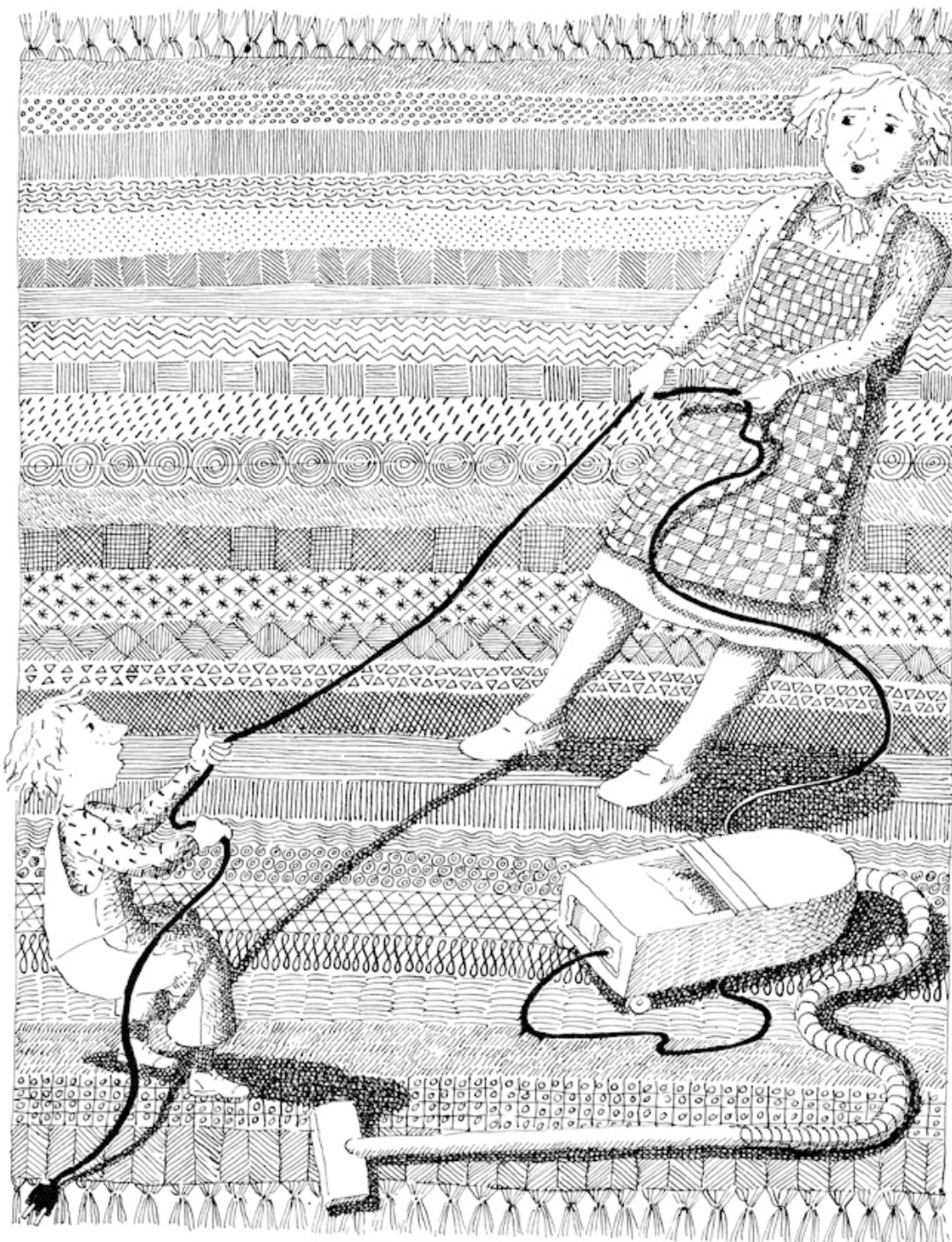
– Старая бабка, старая бабка, ну попробуй, попробуй отними!

– Всё, хватит! – кричит бабушка в ярости. – Давай сюда шнур!

И тянет изо всех сил. Фридер держит крепко-прекрепко.

– Я сильнее, бэ-э-э, бэ-э-э! – ликует он на самой высокой ноте. – Старая бабка, слабая бабка, я сильнее!

– Да ты с ума сошёл! – кричит бабушка. – Что на тебя нашло, сорванец? Сейчас же отпусти шнур, а не то я сейчас возьмусь за тебя как следует!

– Ну и возмись, – горланит Фридер и крутит концом шнура перед бабушкиным носом.

Но на мгновение он отвлекается. А бабушка, одним прыжком добравшись до внука, вырывает шнур у него из рук, снова вставляет вилку в розетку, и пылесос опять жужжит – зур-р, зур-р. Бабушка вновь принимается пылесосить пол, мрачно приговаривая:

– Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним, чтоб ты знал!

Фридер на мгновение теряется, а потом опять быстро вытаскивает шнур из розетки. Пылесос в последний раз устало говорит «зур-р» и замолкает.

– Вот тебе, – говорит Фридер и показывает бабушке язык.

– Ну и ну! – Бабушка озадачена. Она пристально смотрит на Фридера и на его высунутый язык. – Что это на тебя нашло? Почему ты сегодня так себя ведёшь?

– Я же сказал, – кривляется Фридер, – я сегодня хочу плохо себя вести, бэ-э-э!

И высовывает язык три раза подряд.

– Какая муха тебя укусила? – удивляется бабушка и от изумления садится на пылесос. – Может, у тебя температура?

Она боязливо протягивает к Фридеру руку, чтобы пощупать лоб.

Фридер увёртывается от бабушкиной руки и радостно кричит:

– Нет у меня никакой температуры, просто я сегодня плохой.

Потом становится перед бабушкой в позу и говорит громко и отчётливо:

– Бабушка – глупая!

– Ха! – восклицает она и хочет броситься на Фридера, но всё-таки не делает этого, а устраивается на пылесосе поудобнее и говорит – тоже громко и отчётливо: – Сопляк!

– Бабушка – дура! – ухмыляется Фридер и садится перед бабушкой на пол.

– Только попробуй сказать это ещё раз! – восклицает возмущённая бабушка.

Но потом она тоже ухмыляется, немножко думает и говорит:

– А ты – грязнуля!

– Бабушка – жиртрест! – кричит Фридер воодушевлённо и ёрзает по полу туда-сюда.

– А ты – подглядыватель! В замочную скважину! – говорит бабушка.

– Бабушка – старая перечница! – говорит Фридер.

– Внук – бездельник и шалопай! – говорит бабушка.

– Бабушка – очковая змея! – говорит Фридер.

– Внук – выскочка, внук – дурачок, внук – мучитель бабушки! – быстро-быстро выпаливает бабушка и переводит дух.

– А из бабушки... песок сыплется, – кричит Фридер и даже подпрыгивает от восторга. – Из бабушки песок сыплется, песок сыплется!

Бабушка молчит. И довольно долго.

Потом достаёт из кармана фартука носовой платок, промокает им глаза и шепчет:

– Ты сказал, что из меня... песок сыплется?

Фридер озадачен.

– А ты мне сказала «мучитель бабушки»! – возражает он, но не очень уверенно.

– «Сыплется песок» хуже, – говорит бабушка и по-настоящему немножко всхлипывает.

– Ой, бабушка, – Фридер встаёт и вдруг прыгает бабушке на колени, так что пылесос даже зашатался. – Ой, бабушка... – повторяет Фридер ещё раз. А потом говорит: – Не плачь, ба! Я же просто так, для смеха...

И громко чмокает её в щеку.

Бабушка глубоко вздыхает.

– Это уж слишком, – говорит она и стоняет Фридера с колен. Потом снова вставляет вилку в розетку, и пылесос начинает жужжать.

– Ты нахал, – заявляет она, толкая пылесос по комнате.

– Что?! – кричит возмущённый Фридер. – А ты – болтушка, бабушка!

– Мой любимый гном, – смеётся бабушка под шум пылесоса.

– Бабушка ловкая, как белочка, – восклицает Фридер и прыгает вокруг неё.

– Мальчик-поцелуйчик, – отвечает бабушка и, сделав изящный разворот, подкатывает пылесос прямо к ногам Фридера.

– Любимая бабулечка! – кричит он и отпрыгивает в сторону.

– Родной мой мальчик! – поёт бабушка. – Мой котёночек!

Фридер улыбается и хватается за пылесос с другой стороны. Внук и бабушка вместе пылесосят пол. И вместе придумывают замечательнейшие слова любви: «Бабушка-шокола-

душка»... «Фридерчик – мой сладкий марципанчик»... «Бабулечка самая любимая»... «Фридер – утешение моего сердца»... «Бабуленька расчудесная»... «Фридер самый послушный»... и так до тех пор, пока пол не заблестел.

Фридер чувствует, что проголодался, и вместе с бабушкой марширует на кухню. Рука об руку. Чтобы пообедать.

– «Фридерчик – сладкий марципанчик» мне понравился больше всего, – говорит Фридер, усаживаясь за стол.

– А мне – «любимая бабулечка»! – говорит бабушка и садится рядом с Фридером.

Говорим по-иностранному

– *Бабушка!* – кричит Фридер и дёргает бабушку за юбку. – Бабушка, а давай будем говорить по-иностранному! Прямо сейчас!

– Да отстань ты от меня ради бога, внук! – ворчит бабушка, чистя морковь. – Говорить по-иностранному! Ещё чего не хватало! Я разговариваю так, как у меня язык приспособлен, и точка.

– «Присобачен» – так не говорят, – возражает Фридер, хватая морковку, которую бабушка ещё не успела почистить, и высоко подбрасывает её.

– А я вот говорю, – отвечает бабушка, ловит морковку и начинает её чистить. – А теперь давай, шагай из кухни да пойдёшь поиграть. И не приставай ко мне. Мне нужно готовить, ты меня понял?

Фридер вздыхает, кивает и выходит из кухни. Он идёт в свою комнату. Когда бабушка готовит, тут уж ничего не поделаешь. К сожалению. Никогда и ни за что она не будет говорить с ним по-иностранному. А ему так хочется! Поговорить бы хоть разочек по-другому, не так, как всегда! Но только он совершенно не знает, как это – говорить по-иностранному.

Фридер садится на корточки и берёт с кровати плюшевого мишку.

– Мишка, – спрашивает он, – ты можешь говорить не по-нашему?

И трясёт мишку так и сяк. Тот рычит по-медвежьи. Он всегда так делает, если его потрясти.

– Это не по-иностранному, глупый ты! – ругает Фридер мишку. – Скажи ещё что-нибудь. И снова трясёт его. Мишка опять рычит, на этот раз очень долго, но и только.

– От тебя никакого толку, – вздыхает Фридер и снова кладёт мишку на кровать.

Фридер обводит взглядом свою комнату. Кто ещё сможет поговорить с ним по-иностранному?

Юла! Если её запустить, она будет издавать звуки.

Фридер берет юлу, ставит её на пол и аккуратно заводит. Юла звенит, начинает вращаться, и слышится «Зур-р-р-р... зум-зум-зум-зум-зум» – такая у юлы музыка.

– Это я всё уже знаю, – мрачно ворчит Фридер. – Это тоже не по-иностранному. А просто юла поёт.

Фридер дожидается, пока юла остановится, и ногой пинает её подальше. Под кровать. От юлы тоже никакого толку. Она умеет говорить только по-своему.

Никто не может сказать ему, как говорить по-иностранному! Совсем-совсем никто!

И музыкальная шкатулка тоже не может. Её даже спрашивать не нужно. Фридер и так знает, что она скажет. Он тянет за маленький шнурок, и шкатулка начинает петь: «Братец Якоб, братец Якоб, спишь ли ты, спишь ли ты...» Это колыбельная песня, и поётся она совсем не по-иностранному. Это любому младенцу ясно.

По-иностранному – значит так, чтобы было ничего не понятно. И это должно звучать красиво. Фридер вздыхает. Как хочется сказать что-нибудь по-иностранному... Но в голову ничего не приходит. Ничего иностранного. Фридер чувствует только голод. Подошло время ужина. И уже давно.

Фридер распахивает дверь и кричит:

– Я голодный!

– Руммельдибумм! – раздаётся в ответ. Фридер прислушивается. Что это?

Но тут снова слышится:

– Руммельдибумм!

Фридер напряжённо слушает. Это голос бабушки, он его всегда узнаёт. Только что это с ней такое?

– Бабушка? – зовёт он испуганно. – Бабушка, это ты?

– Кики! – слышится из кухни, и Фридер мчится туда. Может быть, бабушке плохо? Она так странно говорит... Она никогда ещё так не говорила.

Бабушка стоит в кухне, стол накрыт для ужина. Всё как всегда.

– Что с тобой, ба? – спрашивает Фридер и испуганно смотрит на неё.

Бабушка ставит на стол миску, которую держала в руке, и говорит:

– Мампфпампф!

Потом призывно похлопывает по стулу Фридера и говорит:

– Дадада!

И смотрит на Фридера. А Фридер смотрит на бабушку. Что с ней стряслось? Может, она сошла с ума?

– Дадада! – снова говорит бабушка, снова хлопает по стулу, а потом садится, кладёт себе на тарелку хорошую порцию картофельного пюре и моркови и безмятежно принимается за еду.

– Мампф-пампф эббеле блууси! – говорит она и довольно гладит себя по животу.

И, повернувшись к Фридеру, снова повторяет:

– Дадада! – и смотрит на его стул.

Фридер стоит, будто оцепенев. Такой он бабушку никогда ещё не видел. Может, у неё чего-нибудь болит? Горло или ещё что-то? Но на вид она совершенно здорова, она ест, она улыбается... и вдруг Фридер понимает. Бабушка говорит по-иностранному! С ним!

Одним прыжком он плюхается на свой стул, быстро накладывает себе пюре и ухмыляется бабушке:

– Мампф-дампф?

Бабушка усмехается в ответ, качает головой и говорит:

– Мампфпампф! Ма-а-а-ампфпа-а-а-ампф!

И Фридер повторяет:

– Мампфпампф.

– Кики! – смеётся бабушка и кивает.

Потом она говорит: «Блуууси!», и Фридер тоже говорит: «Блуууси» – и начинает есть.

Он любит картофельное пюре. И морковку тоже.

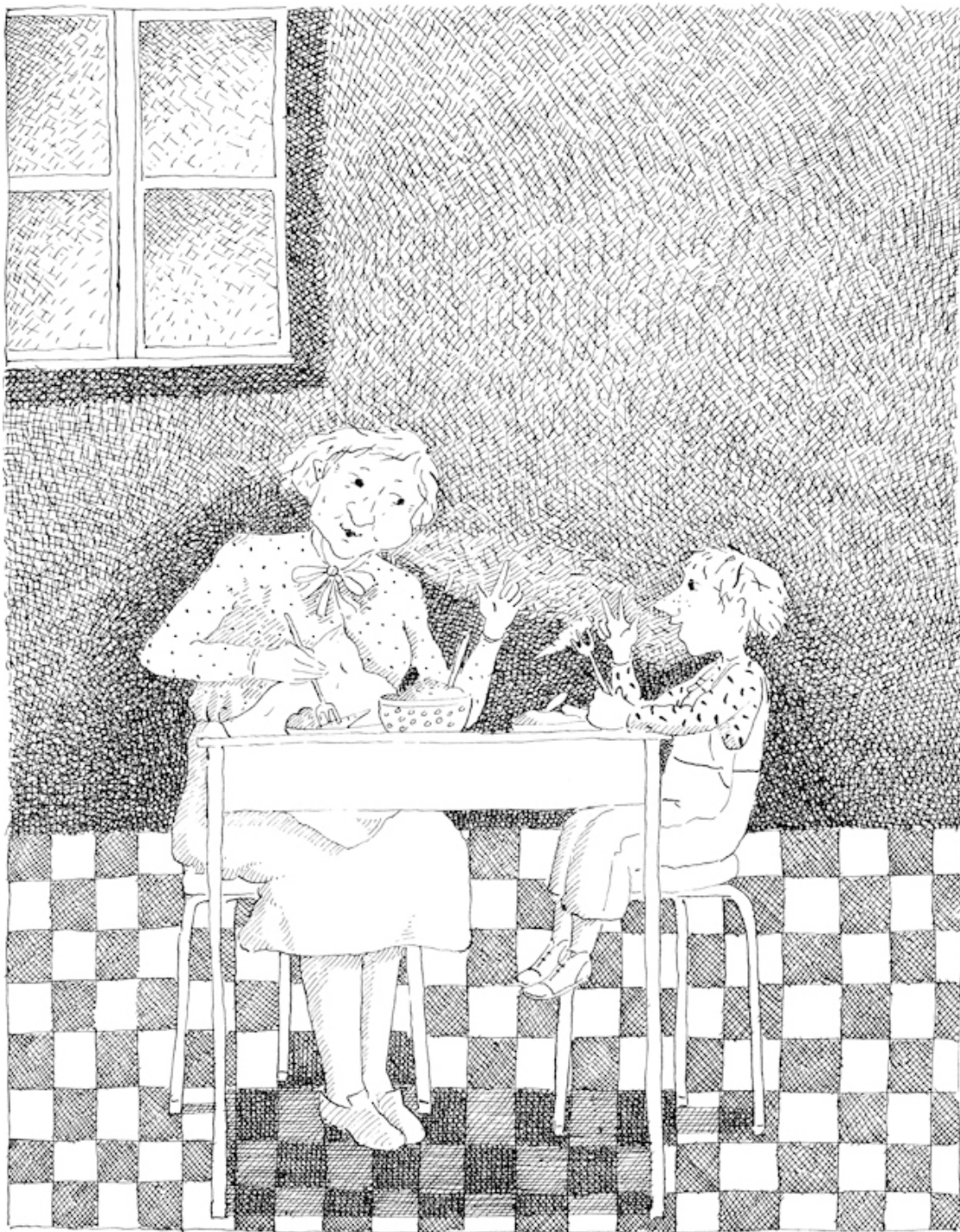
– Кинкельбринкель? – спрашивает он, показывая на морковь.

– Кики! – смеётся бабушка.

– Блуууси, – смеётся Фридер.

– Шнодд тирфрациклатци бумм, – говорит бабушка и накладывает себе ещё пюре.

– Тектектек, – говорит Фридер, наморщив лоб, и тянет миску с пюре к себе.

– Ха? – спрашивает бабушка, а Фридер, покачивая указательным пальцем, отвечает:

– Тектектек! Эле ибибиб!

– Кики! – говорит бабушка. – Улебумм ибибиб!

А потом хватает миску и вычерпывает из неё остатки пюре.

Фридер хихикает, водружает на гору пюре морковь, а потом запихивает всё это себе в рот, огромными порциями.

Бабушка делает то же самое.

– Блуууси! – тянет она и улыбается Фридеру.

– Блуууси! – улыбается он в ответ.

Весь ужин Фридер и бабушка говорят только по-иностранному. Один лучше другого. До тех пор пока бабушка не говорит:

– Всё, внук, я устала!

Тут Фридер прыгает ей на колени, чмокает в щёку и шепчет в ухо:

– Милая, милая Бабалаламамалала!

– Ладно уж, ладно, – вздыхает бабушка и начинает убирать со стола. – Внучочо-ок!

– А завтра мы снова будем говорить по-иностранному, бабушка? – кричит Фридер и ставит миску из-под пюре в раковину.

– Ну, если я до завтра не разучусь, – говорит бабушка и кладёт миску из-под моркови туда же.

Привидения

– *Бабушка!* – кричит Фридер и дёргает бабушку за юбку. – Бабушка, я ещё совсем не хочу спать. Расскажи мне что-нибудь страшное!

– Да отстань ты от меня ради бога, внук! – ворчит бабушка. – День был длинный, теперь пора отдохнуть. Закрывай глаза, и точка. И чтоб я больше ни звука не слышала!

– Ну, бабушка, – ноет Фридер и прыгает на кровати, – я же совсем не устал! Расскажи что-нибудь страшное, ба! – жалобно просит он. – Я очень люблю истории о привидениях!

– А я очень люблю детей, которые уже спят, – говорит бабушка, накрывает Фридера одеялом, чмокает его в щёку и выходит из детской.

Остановившись у двери, она добавляет:

– А теперь, сердце моё, давай уже спать и спокойной ночи, завтра ведь снова наступит новый день.

Бабушка выходит из полутёмной комнаты, а Фридер лежит в кровати и сердится. Спать! Но он ведь совершенно не устал. Нисколько. И глаза совсем не хотят закрываться. Вот всегда надо спать!

А если ему хочется не спать, а чего-нибудь страшного?

Чтобы было как на ярмарке в павильоне ужасов. Там тоже темно, слышится зловещее постукивание костей, отовсюду доносится «Хухуху-у-у» и привидения ходят-бродят совершенно по-привиденчески. Посмотришь, послушаешь – и становится жутко до дрожи.

Но там не нужно по правде бояться, потому что на самом-то деле никаких настоящих привидений нет. Только выдуманные. Или такие, которые сделаны, они только на вид как настоящие.

«Вот если бы сейчас в мою комнату пришло привидение, – мечтает Фридер, – я бы ему двинул кулаком прямо в привиденческое брюхо – и точка. И пожалуйста – оно валяется на полу. Или натяну скатерть на голову – ту, которая лежит в кухне на столе, – стану маленьким привидением и буду пугать большое привидение. Наступлю ему на ногу и ещё завою, да погромче. У меня это здорово получается!»

И Фридер немедленно пробует повыть:

– Хухухухухухуху-у-у!

Нет, это слишком тихо, нужно гораздо громче:

– ХУХУХУХУХУ-У-У!

– Внук, – кричит бабушка из гостиной, – что с тобой?

– Ничего, бабушка, – кричит Фридер в ответ, – я просто тренируюсь. Я ведь маленькое привидение!

– А я – большое привидение и сейчас отшлёпаю тебя как следует! – вскрикивает бабушка. – А ну, немедленно спать. И чтоб я больше ни звука не слышала!

– Детей нельзя шлёпать, – бормочет Фридер и заползает под одеяло. – Мне ведь нужно поупражняться. Если придёт привидение, нужно же уметь говорить по-привиденчески.

Под одеялом, совсем тихо – так, чтобы бабушка не услышала, – Фридер тренируется в «Хухухуху-у». Потом ещё раз: «Хухухуху-у».

У него уже получается совсем неплохо. «Хухуху-у» действительно звучит очень страшно и глухо. Фридер радуется и упражняется дальше.

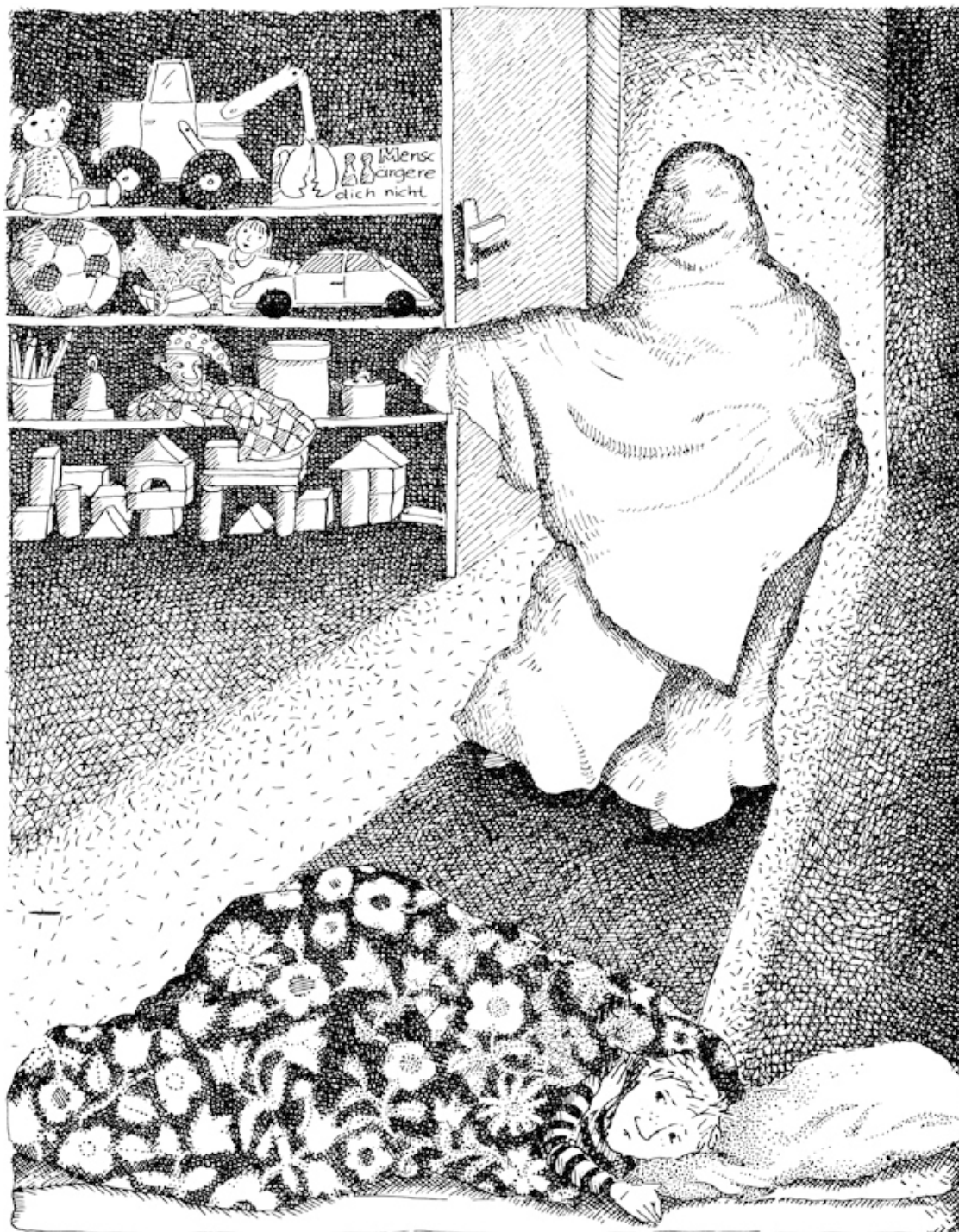
Но вдруг посреди самого удачного «Хухухуху-у» он замолкает. Он что-то услышал. Какой-то звук. Вот скрипнула дверь – очень тихо.

И вот... вот раздаётся «Хухухухуу» – очень тихо.

А теперь снова «Хухухуху-у-у», уже погромче, потом ещё громче, и вот оно уже воет на самой высокой ноте: «ХУХУХУХУХУУ-У-У-У-У-У-У-У»!

От страха Фридер цепенеет под одеялом. Привидение! К нему пришло настоящее привидение! Фридер чувствует, как руки и ноги становятся ледяными, его начинает бить дрожь.

А привидение всё воет и воет, оно уже подошло совсем близко к кровати, Фридеру всё прекрасно слышно!

Что же теперь делать? Двинуть привидение кулаком в брюхо? Но на это у Фридера не хватает смелости.

Самому притвориться привидением и испугать того, кто пришёл? Но в детской нет скатерти, она лежит в кухне на столе, а без скатерти привидение не изобразить, это ясно.

Надо позвать бабушку!

Но если Фридер так и останется под одеялом, то бабушка его не услышит. А если он высунет голову наружу, то привидение нападёт на него и икусает или сделает ещё что-нибудь ужасно страшное, Фридер в этом совершенно уверен.

Лучше уж совсем ничего не делать. А просто лежать под одеялом. Тогда привидение подумает, что Фридер спит, и уйдёт.

Да, пусть оно уйдёт! Пожалуйста!

Фридер крепко зажимает глаза, дрожит, и слушает, и ждёт...

Но больше ничего не слышно.

Фридер ещё плотнее заворачивается в одеяло и опять долго-долго ждёт и слушает... он и вправду ничего больше не слышит.

Привидение ушло?..

Или нет?..

Осторожно, очень осторожно он стягивает одеяло с лица и одним глазком – тоже очень осторожно – выглядывает наружу...

Перед его кроватью стоит бабушка и бормочет:

– Ну слава богу! Мальчик спит!

Фридер рывком сбрасывает с головы одеяло, глубоко вздыхает и шепчет:

– Слушай, бабушка! Здесь было привидение!

– Ну надо же, – говорит бабушка и улыбается. Фридер отчётливо это видит, хотя в комнате уже почти совсем темно.

Фридер садится на кровати и шепчет:

– Точно, ба, я всё-всё слышал!

– Скажи пожалуйста, – говорит бабушка, всё ещё улыбаясь. – А я-то думала, ты любишь привидений!

Она наклоняется, поднимает с пола большую простыню и машет ею перед носом у Фридера, завывая на самой высокой ноте:

– Хухухухуу-у!

Тут наконец до Фридера дошло.

Он с упрёком говорит:

– Ох, бабушка, как же ты меня напугала! А детей пугать нельзя! Ну ладно, погоди же!

Фридер выпрыгивает из постели, несётся на кухню, хватается за скатерть, стягивает её со стола и накидывает себе на голову. С громким криком «Хухухуху-у-у, я – маленькое привидение!» он влетает обратно в детскую.

Бабушка взвизгивает и отпрыгивает в сторону, маленькое привидение бросается за ней, но тут бабушка хватается за простыню, накидывает её на себя, и воет, и визжит – ещё громче и ещё зловещей, чем раньше.

Фридер не отстаёт.

Как самое что ни на есть привиденческое привидение, он диким прыжком бросается на бабушку, та не остаётся в долгу и кидается на него, и так они привиденчают довольно долго, испуская самые жуткие на свете вопли.

До тех пор пока с бабушки не сползает простыня. Она обматывается вокруг бабушкиных ног, и бабушка падает на кровать Фридера – плюх!

Маленькое привидение одним прыжком оказывается на ней – большое привидение повержено!

А теперь Фридеру пора спать. Потому что уже поздно и потому, что бабушка от усталости еле дышит.

– Бабушка, а будем завтра снова играть в привидений? – спрашивает Фридер, когда он наконец лежит в своей кровати и одеяло плотно подоткнуто со всех сторон.

Бабушка вытирает лоб, вздыхает, чмокает его в щёку и говорит:

– Посмотрим! Я всё-таки старая женщина, а не скорый поезд. Может, лучше я тебе что-нибудь почитаю? Что-нибудь страшное!

Фридер кивает, просяяв, и наконец-то засыпает.

Урожай

– *Бабушка!* – кричит Фридер и дёргает бабушку за юбку. – Бабушка, давай быстрее, я хочу собирать урожай!

– Да отстань от меня ради бога, внук! – ворчит бабушка. Она стоит на коленях около грядки в саду, копает в земле ямки и опускает в них – очень осторожно – рассаду салата, одно растение за другим. Потом подсыпает вокруг них земли и – очень осторожно – прихлопывает её.

– Бабушка! – Фридер нетерпеливо прыгает перед ней. – Скажи, ба, когда всё это вырастет? Я хочу собирать урожай!

– Поспешешь – людей насмешишь, – говорит бабушка и ставит в ямку пятое растение. – Сначала посадить надо, а потом уж собирать.

Она с любовью смотрит на рассаду и сердито – на Фридера, а потом говорит:

– Послушай, озорник, не прыгай здесь всё время, а то у меня голова закружится!

Бабушка берёт ещё одно маленькое растение, шестое, и сажает его.

– Бабушка! – не отстаёт Фридер. – А когда ты закончишь, будем тогда собирать урожай?

– Недели через три-четыре, если бог даст, – говорит бабушка и прихлопывает землю покрепче. – Придётся подождать, нетерпеливый ты мой.

Фридер разочарован. Три-четыре недели! Это целая вечность. Хотя он не то чтобы очень любит салат, но ему хочется собирать урожай – прямо сейчас. Это очень весело!

– Но мне так хо-о-очется собирать урожай, бабушка, – вздыхает он. – Это так весело!

Но бабушка больше не слушает. Бабушка сажает салат. Фридер пожимает плечами и решает, что так долго ждать он ни за что не будет. Это же ужасно скучно. Лучше погулять по саду. Сад небольшой и совсем ещё новый, бабушка и Фридер завели его ровно одну неделю назад.

Бабушка сказала, что сад – это хорошо, это полезно для здоровья. В нём вырастет много свежих овощей и фруктов. Они дешевле и гораздо лучше, чем те, которые покупают в магазине.

С тех пор они каждый день приходят в сад, и бабушка сажает, бабушка сеет, бабушка перекапывает, бабушка поливает, а Фридер смотрит на всё это и скучает. Он не считает, что сад – это хорошо. В нём ничего ещё не растёт. По крайней мере, ничего такого, что уже можно было бы собирать.

Вокруг стоят одни только тоненькие кустики. Когда-нибудь на них будут висеть ягоды, так сказала бабушка. Это будет крыжовник. Но как Фридер ни приглядывается, он не видит ни одной ягоды. А яблоня! На ней, конечно, есть уже много листьев, но яблок никаких, даже самых маленьких.

А грядки! Это просто коричневая земля, хоть бабушка и утверждает, что теперь в ней лежат семена, из которых вырастут морковки, редиски и цветная капуста.

И она не разрешает Фридеру ходить по грядкам. Из-за этих самых семян, которых и увидеть-то нельзя. А когда они прорастут и сделаются маленькими растениями, придётся ещё целую вечность ждать, пока они превратятся в настоящие овощи.

В общем, для Фридера это слишком долго. Уж лучше купить овощи в магазине, так гораздо быстрее.

Фридер вздыхает и устраивается в дальнем углу сада. Там вообще ещё ничего нет. Одна только рыхлая земля без семян.

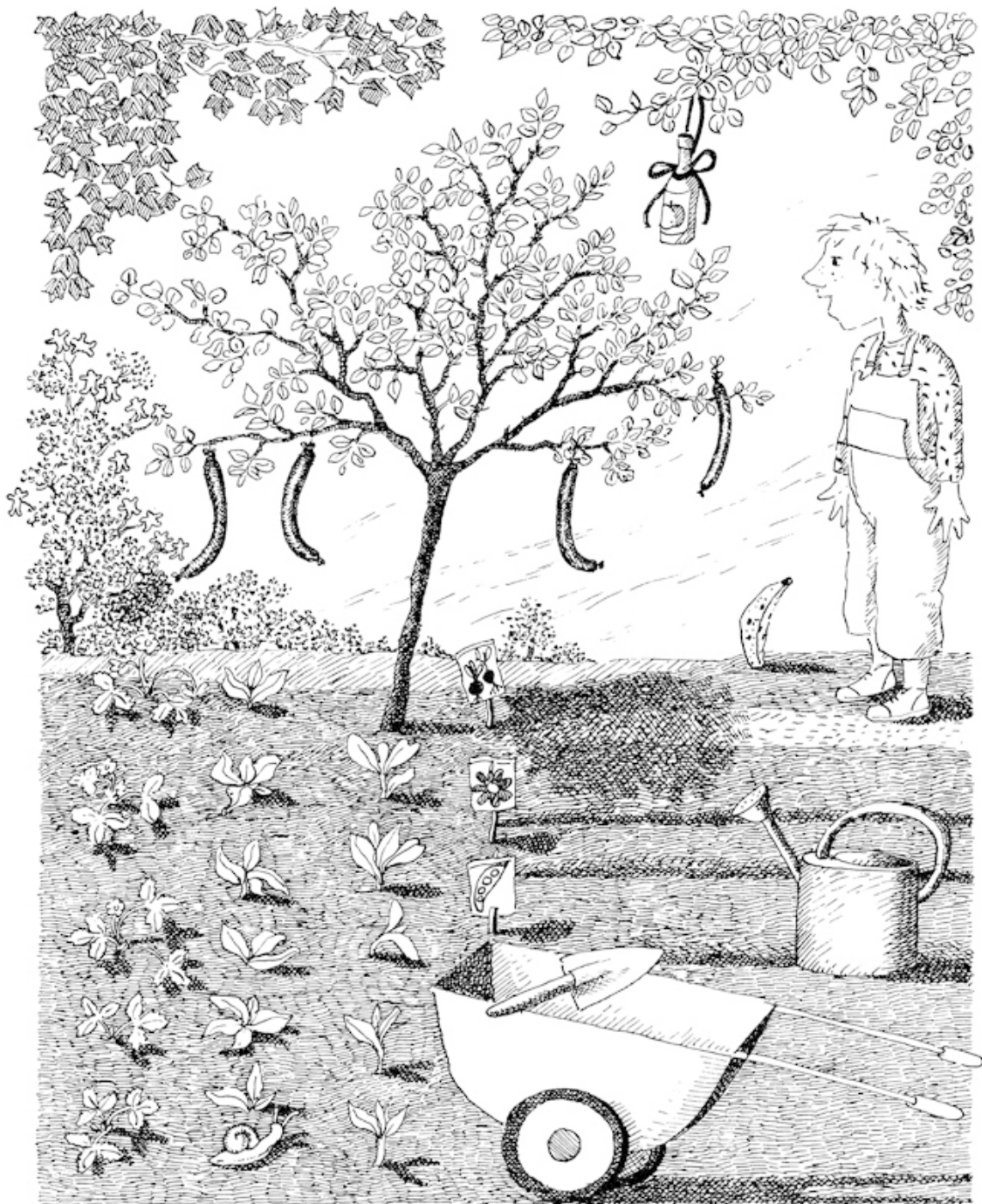
Фридеру скучно, и он начинает делать в земле дырки, как бабушка. Но вместо того чтобы что-то в них сажать, Фридер туда плюёт. «Может, потом вырастет слюнявое дерево», – думает он. Но он и сам в это не верит. Такого не бывает. Фридер кладёт голову на колени. Жарко...

И он засыпает.

– Внук, да где же ты? Иди сюда, будем есть, – зовёт бабушка, и Фридер вскидывает голову. Он действительно заснул. Ну и ну! И ему даже приснился сон. Про высокое слюнявое дерево... Надо же.

Фридер трёт глаза, встаёт и хочет бежать к бабушке, но вдруг останавливается как вкопанный. Рядом с ним, как раз там, где он только что сидел, из земли растет банан! Жёлтый, немного изогнутый банан, его нельзя не заметить! Может быть, Фридер всё ещё спит? Он присматривается повнимательнее. Это действительно банан! Фридер осторожно трогает его, на ощупь он как настоящий. Жёлтый, изогнутый, гладкий и растёт прямо из земли.

Фридер изумлён. Он ещё никогда такого не видел. Нужно показать банан бабушке, немедленно. Фридер бросается бежать и... снова останавливается. На этот раз около куста, на котором никак не хочет расти крыжовник. Но сейчас на нём вместо ягод висит сосиска! На кусте выросли сосиски! Четыре штуки! У Фридера отваливается челюсть. Потому что он ещё кое-что увидел. Яблоню! На ней, правда, нет ни одного яблока, зато есть яблочный сок! В бутылке, которая висит на самой низкой ветке! А вон там, на живой изгороди, висят мармеладки. Их не меньше двадцати штук, они наколоты на тонкие прутики.

Фридер становится весь пунцовый от волнения.

– Бабушка! – кричит он изо всех сил. – Бабушка, иди скорее сюда и посмотри!

Но бабушка уже здесь, и она тоже очень удивлена:

– Ты погляди только, ну надо же!

И сокрушается, вертя в руке банку из-под горчицы:

– А горчица не уродилась. Стекланные банки очень плохо растут в саду, вот ведь жалость какая, правда?

И тут же улыбается во весь рот.

Тут Фридер тоже начинает смеяться! Он хватает бабушку за руку и смеётся:

– Ох, ба!

– Но так быстро всё поспевает не каждый день, если хочешь знать, – усмехается бабушка. Она покрепче берёт Фридера за руку, и они вместе идут собирать то, что так быстро выросло...

А мармеладки Фридеру можно собирать самому. Он осторожно снимает их одну за другой с колючек изгороди. И съедает все.

Фридер вздыхает и думает: «Вот было бы здорово, если б такие мармеладки вырастали тут каждый день!»

Микки-Маус

– *Бабушка!* – кричит Фридер и дёргает бабушку за юбку. – Бабушка, я хочу новую рубашку. И чтоб на ней был нарисован Микки-Маус!

– Да отстань ты от меня ради бога, внук! – ворчит бабушка и снимает фартук. – У тебя уже есть хорошие рубашки. Красная, синяя и зелёная. Тебе что, их не хватает?

– Они такие скучные, – кривится Фридер, – на них нет никаких картинок.

– Зато грязь на них есть, грязнуля несчастный, – говорит бабушка. Она берёт свою сумку (чёрного цвета) и кошелёк (коричневый) и надевает шляпу (серую).

Бабушка не выходит на улицу, не надев шляпу. Никогда.

– Я иду за покупками, – говорит она. – А ты води себя хорошо, ладно? И чтоб было тихо!

И с этими словами она выходит из квартиры.

А Фридер идёт в детскую. Там он вынимает из шкафа все свои рубашки, кладёт их на пол и долго рассматривает. Красная рубашка, синяя и зелёная. Ну и скучища. Только красный цвет, синий и зелёный – и больше ничего.

Фридер вздыхает. Ведь рубашки, на которых есть какой-нибудь рисунок, гораздо веселее. Это каждый знает.

И вдруг у него возникает идея! Если на рубашке ничего нет, то на ней можно что-нибудь нарисовать. И он сможет что-нибудь нарисовать! Микки-Мауса! Отличная мысль! Фридер уже знает, чем надо рисовать – акварельными красками. Их у него много. Фридер достаёт коробку с красками и толстые кисти, приносит стакан воды, садится на пол и принимается за дело. Сначала он начинает рисовать на синей рубашке. Правда, Фридер не помнит, как в точности выглядит Микки-Маус. Фридер долго размышляет. Микки-Маус весёлый, это понятно. У него большие круглые уши и жёлтые ботинки из толстой кожи, это он тоже знает.

«Начну с ботинок», – решает Фридер, окунает кисть в жёлтую краску, размешивает её в густое пюре и рисует на синей рубашке две жирные жёлтые кляксы. В самой середине.

Так. А что теперь? Теперь нужно нарисовать ноги. Фридер выбирает для ног красную краску. Красный цвет он любит. Он пририсовывает к жёлтым кляксам две длинные красные полосы и – раз уж на кисточке ещё осталась красная краска – рисует жирную красную кляксу. Она обозначает живот. Получилось хорошо.

А голова будет чёрного цвета, решает Фридер. Он смешивает краски, а потом долго полощет кисточку, пока вода не становится серой. Вообще-то кисточка слишком тонкая. Остальные кисточки – тоже. Тогда Фридер просто окунает в краску пальцы и рисует ими. На лбу у него выступает пот. Честно сказать, то, что он намалевал на синей рубашке, не слишком похоже на Микки-Мауса.

Ну ладно, может быть, на красной рубашке получится лучше.

Фридер снова начинает с жёлтых ботинок. На этот раз он сразу начинает рисовать пальцами, но очень торопится, от этого краска расплывается, и вместо жёлтых ботинок получается только большое водянистое пятно. Нужно ещё поупражняться в рисовании ботинок. Отложив красную рубашку в сторону, Фридер берёт зелёную. На ней дело идёт гораздо лучше. Фридер рад.

Всё бы и дальше шло хорошо, но тут Фридер нечаянно опрокидывает стакан с водой. Грязно-серая вода течёт по рубашкам, краски расплываются, и теперь всё выглядит совсем не так красиво, как раньше. И совершенно не похоже на Микки-Мауса. Да что ж это такое!

Тут в дверях появляется бабушка и вскрикивает:

– Внук, ты что там делаешь?

– Я рисую Микки-Маусов, бабушка, – говорит Фридер и печально смотрит на бабушку. – Сначала у меня получалось красиво, правда!

– Ох... – стонет бабушка, хватаясь за голову. Она не может отвести взгляд от мокрых грязных рубашек. Потом берёт рубашки одной рукой, Фридера – другой и тащит всё это – рубашки и Фридера – в ванную.

– Ну что за грязнуля, что за озорник, – сокрушается она, а Фридер всхлипывает, всхлипывает и наконец пускается в рёв.

– Я просто хотел нарисовать что-нибудь красивое, – рыдает он, прижимаясь головой к бабушкиному животу.

– Я хоть и старая, но не слепая, – говорит бабушка и с размаху бросает рубашки в ванну. – Кто-то испортил свои красивые вещи. Ну надо же такое придумать!

Она откручивает кран, и толстая струя воды с брызгами льётся на рубашки.

– Хорошо ещё, что я принесла новую рубашку, очень хорошо! – говорит бабушка и командует: – Подними руки!

И через голову стягивает с Фридера свитер. На свитер краска тоже попала, и довольно много.

Зарёванный Фридер поднимает руки вверх, закрывает глаза, а бабушка надевает на него свежую рубашку. Потом она говорит:

– А теперь пойдём на кухню, грязнуля. Пора ужинать!

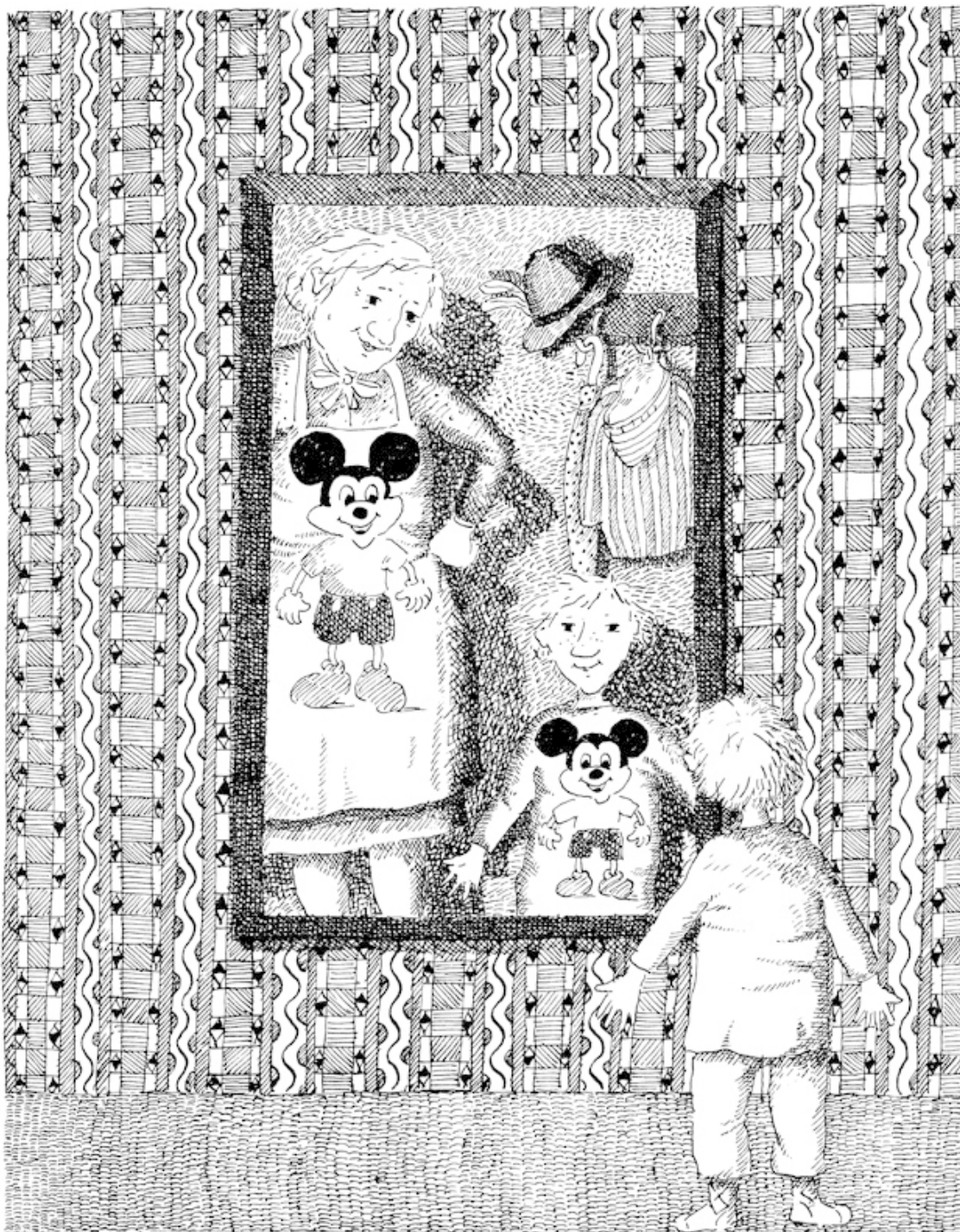
И уходит.

Фридер плетётся за ней. Но, проходя мимо зеркала в прихожей, останавливается. Как вкопанный. И смотрит большими глазами на своё отражение. Что это на нём? Что за рубашку ему надела бабушка? Такую белую... а на ней – Микки-Маус. Огромный! От живота до самой шеи – Микки-Маус с жёлтыми ботинками, красными штанишками и большими круглыми ушами. Совершенно как настоящий. Фридер сияет и чуть не плачет от счастья.

– Смотри, бабушка! – ликует он и мчится на кухню, где бабушка, стоя у плиты, повязывает фартук. – Бабушка! – кричит Фридер. – Бабушка, теперь у меня всё-таки есть Микки-Маус!

– У меня тоже, – говорит бабушка и поворачивается к нему, широко улыбаясь. Тут Фридер замечает, что на бабушкином фартуке тоже нарисован Микки-Маус. Огромный, от бабушкиной груди до бабушкиного живота.

– В магазине было такое специальное предложение, – говорит бабушка и подмигивает Фридеру. – А теперь давай есть, грязная твоя рожица...

И вот бабушка и Фридер сидят за ужином, едят макароны и любят свои Микки-Маусы!

А потом Фридер помогает бабушке в ванной. Они вместе стирают красную, синюю и зелёную рубашки. Рубашки снова будут как новенькие. Ну, или хотя бы почти.

Как умываются кошки

– *Бабушка!* – кричит Фридер и дёргает бабушку за юбку. – Бабушка, я сегодня не буду мыться, вот!

– Да отстань ты от меня ради бога, внук! – ворчит бабушка. Она стоит на кухне и моет посуду. И грозит Фридеру щёткой. – И откуда ты только этого понабрался? – говорит она. – Вечером все люди умываются, если хочешь знать. И точка!

– Но я же совсем не грязный, – ноет Фридер и протягивает бабушке руки. Они чёрного цвета, особенно большие пальцы.

– Я, конечно, старая, но не слепая, – говорит бабушка и снова шурует щёткой в раковине. – А теперь марш в ванную. И будь добр, умывайся как человек, а не как кошка!

– Так я же только совсем немножко грязный, – бормочет Фридер и плетётся по направлению к ванной. Ему совершенно не хочется умываться, ну просто вообще.

Всегда нужно умываться. Утром и вечером. Это уж слишком. Но у двери в ванную ему кое-что приходит в голову. Он поворачивается и кричит:

– Бабушка, а как кошки умываются?

– Так, как ты не должен умываться, – отзывается бабушка, и Фридеру становится интересно. Это звучит неплохо.

Фридер снова бежит на кухню и подсказывает к бабушке, которая всё ещё моет посуду.

– Расскажи мне про это, – просит он, – милая, милая бабушка!

– Ну ладно, – говорит бабушка и трёт щёткой сковородку. – В общем, кошка, когда она умывается, себя лижет. Так она себя чистит.

И бабушка гремит посудой.

– А чем она себя лижет? – осведомляется Фридер.

– Глупый, – говорит бабушка. – Языком, конечно. Чем же ещё.

И начинает вытирать тарелки.

– Ты ещё не в ванной, озорник?

– Не-е-е, – кричит довольный Фридер, одной ногой уже выйдя из кухни. – Мне сегодня не нужно в ванную, я буду умываться как кошка!

И, прежде чем бабушка успевает что-то сказать, он уже мчится в детскую и со всей силы захлопывает за собой дверь. Быстро-быстро подтаскивает к двери свой детский стульчик и подпирает его спинкой дверную ручку. Так! Теперь бабушка не войдёт.

А бабушка уже стоит в коридоре и трясёт ручку двери.

– Внук, – громко кричит она, – внук, какая муха тебя укусила? Сейчас же открой!

– Не-е-е, – отзывается Фридер и хихикает. – Я же моюсь!

Он прислушивается: что там за дверью?

Бабушка что-то бормочет, а потом замолкает и уходит.

Фридер ухмыляется. Получилось! Он снимает с себя всю одежду и начинает мыться. Как кошка. Сначала садится на пол и мяукает – громко и долго. Потом начинает лизать левую руку. Сверху вниз. Язык добирается до ладони.

Это совсем не вкусно... Похоже на грязь...

Фридер пробует полизать правую руку. Опять сверху вниз. На вкус ничуть не лучше левой. А ладонь лучше совсем не трогать.

Интересно, кошкам тоже невкусно умываться?

Может быть, кошки не такие грязные... или им всё равно, вкусно или невкусно.

Фридер решает, что ему тоже всё равно, и принимается за ноги. Лижет коленку и бедро. Сначала правую, потом левую ногу.

Ступни Фридер на всякий случай решает не трогать, потому что от них явно пахнет грязью. Даже и пробовать не надо.

Спину тоже приходится оставить в покое. До неё ведь не дотянуться, как ни выкручивайся.

«Наверно, у меня язык слишком короткий», – думает Фридер и пробует полизать живот. Получается плохо. По правде сказать, совсем не получается.

Фридер перестаёт умыться и размышляет.

У кошек, должно быть, язык подлиннее, или они умываются как-то по-другому. Но как? И тут ему кое-что приходит в голову.

Фридер громко мяукает, сжимает ладони, как будто они кошачьи лапы, и плюёт на них, пока хватает слюны. Обслюнявленными руками-лапами он трёт себе лицо, натирает кончик носа, а потом и шею. Смотри-ка, вот так получается. И Фридер решает, что этого хватит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.